

RUŠČINA

(bere lekt. Tatjana Komarova)

Михаил Пришвин, Голубая стрекоза (skrajšana verzija)

В ту первую мировую войну 1914 года я поехал военным корреспондентом на фронт в костюме санитара и скоро попал в сражение на западе в Августовских лесах. Я записывал все мои впечатления, но, признаюсь, ни на одну минуту не оставляло меня чувство личной ненужности и невозможности словом своим догнать то страшное, что вокруг меня совершалось. Я шел по дороге навстречу войне и поигрывал со смертью: то падал снаряд, то пуля пчелкой жужжала, я же все шел, с любопытством разглядывая стайки куропаток, летающих от батареи к батарее.

– Вы с ума сошли, – сказал мне строго Максим Максимыч: бронзовое лицо его с седыми усами было строго и почти торжественно.

– Да как же вам, писатель вы такой-рассякой, не стыдно в такие минуты заниматься своими пустяками?

– Что же мне делать? – спросил я, очень обрадованный его решительным тоном.

– Бегите немедленно, поднимайте вон тех людей, велите из школы скамейки тащить, подбирать и укладывать раненых.

Я поднимал людей, тащил скамейки, укладывал раненых, и вдруг почувствовал, наконец, себя настоящим человеком, и мне было так радостно, что я здесь, на войне, не только писатель. В это время один умирающий шептал мне:

– Вот бы водицы. Я побежал за водой. Но он не пил и повторял мне: – Водицы, водицы, ручья.

С изумлением поглядел я на него, и вдруг все понял: это был почти мальчик с блестящими глазами. Мы с санитаром взяли носилки и отнесли его на берег ручья. Санитар удалился, я остался с глазу на глаз с умирающим мальчиком на берегу лесного ручья.

— Спасибо, — прошептал он. Увидев голубую стрекозу, летающую у заводи, он улыбнулся, еще раз сказал спасибо и закрыл глаза. Прошло сколько-то времени в молчании, как вдруг губы опять зашевелились, и я услышал:

— А что, она еще летает?

Голубая стрекоза еще кружилась. — Летает, — ответил я, — и еще как! Он опять улыбнулся и впал в забытье.

Между тем мало-помалу смерклось, и я тоже мыслями своими улетел далеко, и забылся. Как вдруг слышу, он спрашивает:

— Все еще летает? — Летает, — сказал я, не глядя, не думая.

— Почему же я не вижу? — спросил он, с трудом открывая глаза. Больной понял, что я его обманул, огорчился моим невниманием и молча закрыл глаза. Мне стало больно, и вдруг я увидел в чистой воде отражение летающей стрекозы.

— Летает, летает! — воскликнул я так решительно, так радостно, что больной сразу открыл глаза. И я ему показал отражение. И он улыбнулся.

Я не буду описывать, как мы спасли этого раненого, — по-видимому, его спасли доктора. Но я крепко верю: им, докторам, помогла песнь ручья и мои решительные и взволнованные слова о том, что голубая стрекоза и в темноте летала над заводью.

1941

Vir: Михаил Пришвин: *Зеленый шум*. Москва: Издательство «Правда», 1983.

M'ihail Pr'išv'in, Gəlubajə str'ikaza

V tu p'ervuļu m'iravuļu vaļnu 1914 (tys'əč'ə d'iv'lcot č'ityrnəcətəvə) godə pajehəl ja vajennym kər'ispand'entəm na front v kast'um'ə sən'itarə i skorə papal f sražen'iļə na zapəd'ə, v Avgustofsk'ih l'isah. Ja zap'isyvəl fs'e maji vp'əč'it'l'en'əļə, no, pr'iznaļus', n'i na adnu m'inutu n'i astavl'alə m'in'a č'ustvə l'ič'nəļ n'inužnəst'i i n'ivazmožnəst'i slovəm svajim dagna' to strašnəļə, što vakruk m'in'a sav'iršaləs'. Ja šol pa darog'ə nafstr'eč'u vaļ'e i paigryvəl sa sm'ert'lu: to padəl snar'at, to pul'ə pc'olkəļ žužałə, ja že fs'o šol, s l'ubapyctvəm razgl'adyvļə staļk'i kurapatək, l'itaļuš's'ih atbətar'eļə k bətar'eļ'ə.

– Vy s uma sašl'i , – skazal mn'e strogə Maks'im Maks'imyč': bronzəvəļə l'ico ūvo s s'idym'i usam'ə bylə strogə i pač'ti taržestv'ənə

– Da kak že vam, p'isat'əl' vy takoļ-rəs's'ikoļ, n'i stydnə f tak'iļə m'inuty zən'imacə svəjim'i pust'ikam'i?

– Što že mn'e d'elət'? – spros'il ja, oč'in' obradəvənnyi ūvo r'išyt'əl'nym tonəm.

– B'ig'it'ə n'im'edl'ənə, padn'imaļ'ə von t'eh l'ud'eļ, v'il'it'ə iš školy skam'eļki taš's'it', padb'irat' i ukladyvat' ran'ənyh.

Ja pədn'imal l'jud'eļ, taš's'il skam'eļk'i, ukladyvəl ran'ənyh, i vdruk pač'ustvəvəl, nəkan'ec, s'ib'a nəstajaš's'im č'ilav'ek'əm, i mn'e byl'ə tak radəsnə, što ja zd'es', na vaļ'e, n'i tol'kə p'isat'əl'. V etə vr'em'ə ad'in um'iraļuš's'iļ ūyptal mn'e:

– Vod by, vad'icy. Ja pəb'ižal za vadoļ. No on n'i p'il i pavtar'al mn'e:

– Vad'icy, vad'icy, ruč'ja.

S yzuml'en'iļəm pəgl'id'el ja na n'ivo, i vdruk fs'o pon'al: etə byl pač'ti mal'č'ik s bl'ist'aš's'im'i glazam'i. My s sən'itarəm vz'al'i nas'ilk'i i atn'isl'i ūvo na b'er'ə k ruč'ja. Sən'itar udal'ılsə, ja astals'ə zglazu nagləs s um'iraļuš's'im mal'č'ikəm na b'er'igu l'isnovə ruč'ja.

– Spas'ibə, – prəsyptal on. Uv'id'əf gəlubuļu str'ikəzu, l'itaļuš's'uļu u zavəd'i, on ulybnuls'ə, ūš's'o ras skazal spas'ibə i zakryl glaza. Prašlo skol'kətə vr'em'ən'i vmalč'an'iļi, kak vdruk guby ap'at' zašyv'əl'il'is', i ja uslyšəl:

– A što, ana ყიშ'შ'o l'itaლet?

Гəlubajə str'ikəzə jiš'ş'o kružyləs'. – L'itajət, – atv'et'il ja, – i jiš'ş'o kak!

On ap'at' ulybnuls'ə i vpal v zəbytje.

Meždu t'em malə-pamalu sm'erkləs', i ja tožə mysl'əm'i svajim'i ul'ət'el dal'iko, i zabyls'ə. Kak vdruk slyšu, on sprašyvəլət:

– Vs'o ყიშ'ş'e l'itaլet? – L'itaլet, – skazal ja, n'igl'ad'ə, n'iduməլə

– Pač'imu žə ja n'i vižu? – spras'il on, s trudom atkryvaլə glaza. Bal'noł pon'əl, što ja ყivo abmanul, agarč'ils'ə mojim n'əvn'imam'əլəm i molč'ə zakryl glaza. Mn'e stalə bol'nə, i vdruk ja uv'id'əl f č'istəł vad'e atražen'iլə l'itaլus'ş'əլ strikazy.

– L'itaլet, l'itaլet, – vaskl'iknul ja tak r'išyt'əl'nə, tak radəsnə, što bal'noł srazu atkryl glaza. I ja ყimu pəkazal atražen'iլə. I on ulybnuls'ə.

Ja n'i budu ap'isvat', kak my spasl'i etəvə ran'ənəvə, – pəv'id'iməmu, ყivo spasl'i dəktəra. No ja kr'epkə v'er'u: im, dəktəram, pəmagla pesn'ə ruč'ja i maji r'əšyt'əl'nyլə i vzvalnovənnyլə slava a tom, što gəlubaլə str'ikaza i v t'imnat'e l'italə nad zavədli.

Mihail Prišvin, *Sinji kačji pastir*

Še med tisto prvo svetovno vojno, leta 1914, sem se kot vojni poročevalec v obleki vojaka bolničarja odpravil na fronto in se kmalu znašel sredi bitke na zahodu, v Avgustovskih gozdovih. Zapisoval sem si vse svoje vtise, a moram priznati, da me niti za trenutek ni zapustil občutek, da sem nekoristen in nesposoben ubesediti grozote, ki so se odvijale okoli mene. Po cesti sem hodil vojni nasproti in se poigraval s smrtjo. Padale so bombe in metki so brenčali kot čebele, jaz pa sem vseeno hodil naprej in z radovednostjo opazoval jate jerebic, ko so letale od ene do druge topniške baterije.

– Vi ste popolnoma nori, – mi je ustavil Maksim Maksimič. Njegov zagoreli obraz s sivimi brki je bil strog in pokroviteljski.

– Kako to, da se piscu pa takemu, v teh trenutkih ne zdi sramotno ukvarjati se s svojimi bedarijami?

– No, kaj naj pa počnem? – sem ga vprašal, zadovoljen z odločnim tonom njegovega vprašanja.

– Hitro tecite k tistim ljudem tam in ukažite naj se prinese šolske klopi ter nanje položi ranjence.

Dvigal sem ljudi, nosil šolske klopi, nanje nalagal ranjence in kar naenkrat sem se končno počutil kot človek. Bil sem tako vesel, da sem tu, sredi bitke in ne samo kot pisatelj. Takrat pa mi je eden od umirajočih ranjencev zašepetal:

– Da ko bi vsaj malo vodice.

Stekel sem po vodo, a on je ni pil, samo ponavljal: – Vode, vodice, potoka.

Presenečeno sem ga gledal in v trenutku vse razumel: to je bil skoraj deček, s sijočimi očmi. Z bolničarjem sva prijela za nosilke in ga odnesla do potoka. Bolničar je odšel, jaz sem si pa na obali gozdnega potoka iz oči v oči strmel z umirajočim dečkom.

– Hvala, – mi je zašepetal. Ko je videl sinjega kačjega pastirja, ki je letal nad zaledno vodo, se je nasmehnil, se mi še enkrat zahvalil in zaprl oči. Nekaj časa sva molčala, a nenadoma so se njegove ustnice spet premaknile in slišal sem ga reči:

– Kaj, a še vedno leta?

Sinji kačji pastir je še naprej krožil. – Leta – sem mu dogovoril, – in to kako! Ponovno se je nasmehnil in obmiroval.

Počasi se je mračilo in jaz sem z mislimi odpotoval daleč stran. Ponovno je vprašal:

– Še vedno leta?

– Ne da bi pogledal in ne da bi pomislil sem odgovoril: – Leta.

– Zakaj pa ga ne vidim? – me je vprašal, s težavo odprl oči in spoznal, da sem se mu zlagal. Užaloščen zaradi moje odsotnosti, je molče zaprl oči. Stisnilo me je pri srcu, a kar naenkrat sem v čisti vodi videl odsev letečega kačjega pastirja.

– Leti, leti! – Sem vzklknil tako odločno in tako veselo, da je ranjeni deček takoj v trenutku odprl oči. Pokazal sem mu odsev in spet se je nasmehnil.

Ne bom opisoval, kako smo rešili tega ranjenca – očitno so ga rešili zdravniki, a jaz trdno verjamem, da so jim pomagali pesem potoka in moje prepričane ter vznesene besede o tem, kako je sinji kačji pastir še naprej, tudi v temi letal nad zaledno vodo.

Prevedla Živa Jamšek.